

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Максим КИРЧАНОВ

*кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения
факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
(Воронеж, Россия)*

В в е д е н и е: туркменское политическое как национальное

Распад Советского Союза в начале 1990-х годов привел не только к появлению новых государств в регионе Центральной Азии (ЦА)¹, но и к значительной активизации центральноазиатских национализмов, которые были весьма значительной политической силой и проявлялись в первую очередь в языковой, культурной и научной сферах.

Не исключено, что само появление независимых государств в ЦА было связано не только с кризисом советской системы, но и активизацией национальных и националистических движений, которые аккумулировали недовольство политикой Центра. Крах СССР привел к изменениям в статусе центральноазиатских национализмов, создав условия для их институционализации.

В этих обстоятельствах национализмы стали одним из наиболее важных факторов в становлении новых государств в ЦА.

¹ О политических процессах 1990-х годов в Центральной Азии см.: *Бимен О.У.* Формирование национальной идентичности в условиях мультикультурализма. На примере Таджикистана [<http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2000/2/12.htm>]; *Толпков Ф.* Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии [<http://www.ca-c.org/journal/cac-10-2000/01.tolipov.shtml>].

Таджикский, туркменский и узбекский национализмы функционировали в условиях не только авторитаризма, но и колониального политического наследия. Именно эти два фактора оказали огромное влияние на развитие национализмов в регионе.

«Постсоветскость» ЦА проявилась в континуитете между советской формой и новыми национальными формами политического авторитаризма. Националистические движения в Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР стали мощными факторами, сыгравшими главную роль в ослаблении и распаде советской системы, но, в отличие от стран Центральной Европы, они не привели к началу процессов политического транзита (движения от авторитаризма к демократии).

В период существования СССР в республиках ЦА политический дискурс конструировался и контролировался элитами, зависящими от республиканских коммунистических партий; после обретения независимости главенствующая роль также перешла к политикам, непосредственно связанным с советским партийным руководством.

Одним из наиболее уникальных авторитарных режимов, возникших в постсо-

ветской ЦА, оказалась диктатура С. Ниязова в Туркменистане².

Авторитаризм в Туркменистане 1990 — первой половины 2000 годов «генетически» был связан с позднесоветским авторитарным режимом в Туркменской ССР. Эти политические перипетии государственной истории Туркменистана нашли свое отражение в выступлениях президента С. Ниязова, который подчеркивал, что «Туркменистан

делает первые, а потому и самые трудные шаги на пути возрождения, а фактически формирования заново собственной суверенной истории и государственности. Она древняя и богата событиями, но сегодня мы ее как бы продолжаем с чистого листа. И потому на нас не давит груз прошлых обид, бремя идеологий и фобий, политических штампов и национальных ярлыков»³.

² Об особенностях политических процессов в Туркменистане см.: *Сапаров Н.* Об особенностях туркменской «модели демократии» [<http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>].

³ *Ниязов С.* Туркмены, Туркменистан, мир: тысячелетия и XXI век, связь времен и цивилизаций. Статья, приуроченная к Ассамблее тысячелетия ООН [http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_1710163846].

Политический язык: национализм, нейтралитет и дискретность

Существование дискретности в туркменской политической истории неоднократно подчеркивалось С. Ниязовым: «Как же туркмены за свою пятитысячелетнюю историю построили свыше семидесяти государств? Как они управляли ими? А как они защищали свою страну в период восьмивековой безгосударственности?»⁴

В этом политическом нарративе ясно прослеживается стремление туркменских элит обосновать восстановление независимости Туркменистана исторической необходимостью, то есть история становится зависимой от политической конъюнктуры.

Комментируя подобное политическое использование истории, ирландский исследователь В. Камерфорд подчеркивал, что «унаследованные от прошлого популярные национальные и исторические стереотипы нелегко сломать»⁵.

Ситуация в Туркменистане осложняется еще и тем, что он является в большей степени не национальным, а национализирующимся государством, элиты которого сделали ставку на авторитаризм, используя его в качестве основного механизма воспроизводства политического режима.

Осознание того, что независимый Туркменистан в 1990-х годах оказался в состоянии глубокого политического кризиса, не только привело к установлению в стране авторитарного политического режима, но и побудило правящие элиты выработать новую систему политических координат, отказавшись от коммунистической идеологии при чисто внешнем и декларативном принятии демократических ценностей.

К моменту обретения независимости Туркменистан был не только бывшей советской периферией, но и в значительной степени регионом, отличительными признаками которого являлись «патриархальная социальная организация, разделенность социо-

⁴ *Ниязов С.* «Хочешь быть великим, попытайся осмыслить величие Родины!». Выступление первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши на III съезде Молодежной организации им. Махтумкули [http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_2607104011].

⁵ *Камерфорд В.* Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии. В кн.: Россия — Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11—12 ноября 2005 года. Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / Под ред. Е.Ю. Гениевой, Дж. Харман. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 162.

культурного пространства по признакам клановости, землячества, отсутствие общегражданской самоидентификации и единого правового сознания»⁶.

На смену коммунистической идеологии пришли новые политические принципы, характерные для постколониальных обществ: признание советского наследия, его последовательная критика и развитие идеи дискретности в туркменской государственности. Туркменский национализм, который в советский период был вытеснен в сферу гуманитарных исследований, был подвергнут политизации и государственной институционализации. Отличительной особенностью развития политического пространства в Туркменистане стал синтез политического авторитаризма и туркменского национализма. Среди идеологов нового националистического дискурса был президент С. Ниязов.

Туркменский национализм постсоветского периода по своей природе и политической риторике близок к национализмам других постколониальных обществ. Одной из центральных тем в функционировании националистического дискурса в Туркменистане в период президентства С. Ниязова была актуализация политической идентичности, а точнее, попытка ее формирования; новая версия должна была базироваться не на верности и преданности коммунистической идеологии, а на идеях политической независимости и нейтралитета Туркменистана.

В 2005 году С. Ниязов подчеркивал, что Туркменистан «провозгласил свой нейтралитет сразу после обретения независимости, и это стало судьбоносным шагом для настоящего и будущего нации... Великая независимость, завоеванная в результате исторических переворотов конца прошлого века, открыла всем живущим на благословенной туркменской земле возможности для самостоятельного решения вопросов их собственной судьбы»⁷.

В официальном политическом дискурсе Туркменистана идея нейтралитета получила исключительно позитивную оценку. О. Гундогдыев подчеркивал, что «идея нейтралитета возникла не на пустом месте, президенту страны Ниязову удалось в современных условиях реализовать давнюю мечту туркменского народа о мирной жизни на своей земле и добрососедстве со всеми окружающими государствами»⁸.

Комментируя подобные особенности развития политического дискурса в Туркменистане, Н. Сапаров подчеркивает, что «с самого начала самостоятельного развития страны политическое руководство однозначно делало ставку на создание некоего незыблемого авторитета, на выработку некоей национальной идеи. По замыслу руководства, население должно было ориентироваться на такой авторитет и на такую идею, вокруг них должна была сплотиться политическая элита»⁹.

Туркменская версия национального авторитаризма

Выступления С. Ниязова являются ценным источником по изучению истории развития и функционирования политического национализма и националистического воображения в постсоветском Туркменистане.

⁶ Сапаров Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» [<http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>].

⁷ Ниязов С. Нейтралитет — величайшее достижение нашего народа. Из Обращения Сапармурата Ниязова к соотечественникам по случаю 10-летия постоянного нейтралитета Туркменистана [http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_1812123037].

⁸ Гундогдыев О. Размышления туркменского историка о глубинных корнях нейтралитета [http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0608085523.phtml?p_ident=ltxt_0608085523.p_0608090415].

⁹ Сапаров Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» [<http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>].

Формирование нового облика страны отразилось и на языковой сфере, что вылилось в пуризм. Туркменский алфавит был переведен на латинскую графику, а туркменский язык (с одной стороны, при поддержке властей, с другой — благодаря оттоку русского населения) занял в Туркменистане монопольные позиции в сфере делопроизводства, государственной власти и образования. В этом отношении Туркменистан близок к другим динамично национализирующимся обществам на постсоветском пространстве.

Национализация лингвистического дискурса осложнилась постколониальным статусом республики. Для страны, в которой практически сразу (по инерции) был установлен авторитарный режим, было недостаточным ограничиться провозглашением туркменского языка государственным.

По мнению С. Ниязова, изучение и восстановление подлинного туркменского языка являлось одной из важнейших задач государства: «старотуркменские слова, используемые в древних манускриптах, обязательно должны даваться со сноской, чтобы читатели приобщались к исконно туркменской речи. На телевидении начали давать толкование древних слов, встречающихся в «Рухнаме»... к сожалению, молодежь не знает их. А ведь у нас прекрасный, сочный, красивый язык. Мы должны использовать эти слова в художественной литературе»¹⁰.

В этом отношении независимый Туркменистан в определенной степени повторил опыт Советского Союза с периодическими интервенциями государственных лидеров в языковые и лингвистические дискуссии. В данном контексте показательна историческая риторика туркменского лидера, обращающегося к многовековой туркменской исторической традиции.

Американский исследователь Дж. Фридмэн, комментируя исторические манипуляции националистов, подчеркивает, что «конструирование истории» представляет собой «результаты конкретных социальных позиций»¹¹. Ирландский исследователь В. Камерфорд полагает, что «во многих отношениях занятие историей несет печать популярного и официального национализма»¹². Вероятно, именно поэтому новейшая языковая интервенция туркменских властей была стимулирована их стремлением консолидировать идентичность.

Конструируя новый политический имидж Туркменистана, С. Ниязов подчеркивал, что «наша Родина — независимый Туркменистан, осуществляя свою миролюбивую и подлинно гуманную политику, стремится к позитивному сотрудничеству со всеми государствами. Это ведь мечта всего человечества, чтобы на земле вместо войн, конфликтов, террора, насилия и грабежей царили мир и благоденствие, добро и согласие. И потому естественно и закономерно желание всякого разумного человека, каждой миролюбивой страны, любого сообщества видеть мир спокойным и бесконфликтным, пробудившим в народах дружбу и братство. Нейтральный Туркменистан всегда готов принимать самое активное участие во всех делах мирового сообщества, оказывать всяческое содействие тем инициативам, целью которых является сохранение и укрепление мира на земле»¹³.

Усилиями правящих элит, консолидовавшихся вокруг фигуры первого президента независимого Туркменистана, формировался новый привлекательный образ республики, рассчитанный скорее на внешнее потребление, чем на внутреннее использование.

¹⁰ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на открытии Туркменского национального центра культурного наследия «Мирас», 12 февраля 2004 года [http://niyazov.sitcity.ru/text_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_2702070824].

¹¹ Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*, 1992, Vol. VII. P. 194.

¹² Камерфорд В. Указ. соч. С. 168.

¹³ Ниязов С. Нейтралитет — величайшее достижение нашего народа.

Что касается интеллектуальной сферы, то она формировалась в соответствии с канонами авторитарного политического дискурса: «Мы живем в мирной стране, у нас дружный, сплоченный народ. Спокойную, созидательную жизнь нашего суверенного государства не сотрясают какие бы то ни было конфликты и скандалы. Народ наш законопослушен, ему хорошо известно, как должны проходить выборы. Поэтому избирательная кампания прошла организованно, на высоком уровне»¹⁴.

В рамках этой новой версии туркменской социалистической нации во главу угла была поставлена лояльность, что вело к еще большей унификации политического пространства по сравнению с позднесоветским этапом в развитии Туркменистана.

В высказываниях С. Ниязова заметно влияние советского политического языка, основанного на принципах строгой идеологизации.

Помимо трендов, призванных стимулировать лояльность туркмен авторитарному режиму, президент в своих выступлениях уделял особое внимание формированию образа врага; все «враги» оказались в значительной степени персонифицированы.

Политическая оппозиция, по мнению С. Ниязова, представлена его критиками и оппонентами: «проворовавшимися проходимцами, преступниками и подлецами, которые, бежав от заслуженного наказания из своей страны, вознамерились изменить существующий конституционный строй и захватить в свои руки власть»¹⁵.

В критике президентом политической оппозиции заложен и мощный постколониальный тренд: «Террористы собирались создать временное правительство, возглавить которое должен был Шихмурадov, а Ханамов, Оразов и Ыклымов — войти в его состав. Все они — воры, абсолютно безнравственные и бесчестные люди, уличные преступники, тайком покинувшие страну. И вот эти-то проходимцы должны были встать во главе Туркменистана. Движимые корыстными и честолюбивыми помыслами, они действовали по наущению других стран, обещавших поддержку в обмен на часть богатств Туркменистана. Туркмен хотели уничтожить руками туркмен»¹⁶.

По мнению С. Ниязова, туркменская оппозиция антинациональна; она связана с Европой и бывшим Центром (Российской Федерацией). В официальном политическом языке независимого Туркменистана оппозиция трансформировалась в главных врагов независимости, стремящихся реставрировать статус зависимой республики.

На фоне укрепления авторитарных тенденций правящие элиты активно пытались сформировать образ Туркменистана как демократического государства: «На протяжении всей истории человеческой цивилизации народы мира проходили различные периоды своего развития, которые сопровождались поиском путей становления государственности, самоутверждения, взлетами национального самосознания, всякого рода трансформациями. По сути дела, все эти процессы составляют единую логическую цепь истории, приводным ремнем которой выступает стремление народов к обретению демократии и свободы, прочному миру и справедливости»¹⁷.

¹⁴ Ниязов С. «До 2020 года выборы в туркменский Меджлис не будут проходить по партийным спискам». Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на первой сессии Меджлиса Туркменистана третьего созыва, 1 февраля 2005 года [http://niyazov.sitcity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_0602102301].

¹⁵ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14–15 августа 2003 года [http://niyazov.sitcity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_0509083101].

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ниязов С. Стратегическое партнерство во имя идеалов мира и гуманизма [http://niyazov.sitcity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2508120239].

Лояльно настроенные историки прилагали немалые усилия, чтобы найти исторические истоки туркменской модели демократии¹⁸.

Столь широкое использование демократической риторики такого рода в рамках авторитарного политического режима во многом свидетельствует о постколониальном характере туркменской государственности 1990—2000 годов. Для постколониальных обществ характерно использование политического языка, заимствованного у бывшей метрополии; с течением времени в нем все больше прослеживаются националистические настроения нового, активно институционализирующегося государства; ссылаясь на ценности демократии и прав человека, оно может развиваться (и нередко развивается) в рамках авторитарной политической модели.

Постколониальный Туркменистан

С другой стороны, для политических элит Туркменистана как постколониального государства характерно стремление подчеркнуть свой суверенитет и актуализировать националистические чувства; зачастую советский режим критикуется как недемократический: «Во времена СССР наш парламент состоял из 364 членов. Но ни один из них не обладал никакими правами. Депутаты действовали по указке Центра, исполняли все предписания высших партийных органов. Самостоятельно принимать решения они не могли, и, конечно же, не имели никакого влияния ни на экономику Туркменистана, ни на его внутреннюю и внешнюю политику»¹⁹.

В 2001 году С. Ниязов в одном из своих выступлений акцентировал внимание на чуждости туркменам советского строя: «Я жил в советские времена и смолоду видел угнетенное состояние моего народа, его духовную опустошенность и неверие в справедливость. И видел, и чувствовал это: люди не понимали смысла своей жизни, потому что существовало устойчивое убеждение — миром правят сильные»²⁰.

Антисоветские нарративы в выступлениях С. Ниязова могут рассматриваться как проявления постколониальной травмы туркмен, полученной в результате 70 лет советского авторитаризма, который в 1990-х годах трансформировался в национальный.

Историческое воображение националистов чутко реагирует на изменения политической динамики. Комментируя столь мощный адаптивный потенциал националистического воображения, К. Калхун отмечал, что «современная историческая наука сформирована традицией создания национальных историй, призванных наделять читателей коллективной идентичностью... националисты склонны писать истории под себя. Националистическая история является конструированием нации»²¹.

В устах С. Ниязова антисоветская риторика звучала в значительной степени как антиколониальная: «Во времена СССР в нашей республике не было ни одного приличного завода. Мы производили миллионы тонн хлопка, не имея при этом нормальной текстильной фабрики. Или же, добывая десятки миллионов тонн нефти, не имели ни одного нефтеперерабатывающего завода. Во времена СССР в год мы экспортировали

¹⁸ См.: Гундогдыев О. Древние традиции демократии туркмен [<http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/11/blog-post.html>].

¹⁹ Ниязов С. «До 2020 года выборы в туркменский Меджлис не будут проходить по партийным спискам».

²⁰ Отрывки из выступления Сапармурата Ниязова на X совместном заседании Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты Туркменистана и Общенационального движения «Галкыныш», 18 февраля 2001 года [http://niyazov.sitcity.ru/ltex_0409164936.phtml?p_ident=ltex_0409164936.p_1810090215].

²¹ Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 113.

90 миллиардов кубометров газа. Только Туркменистану от всех этих богатств ничего не перепало»²².

В другом выступлении С. Ниязов подчеркивал: «Мы находились в составе СССР 70 лет. За это время наша экономика пришла в упадок... за 70 лет в Туркменистане было построено всего два завода... все, что производилось в Туркменистане — продукция химической промышленности, нефтепродукты, продукция газовой промышленности, хлопок, — распределялось из Москвы, нам не давали никаких отчетов... Туркменистан производил в 1960 году 17 млн т нефти, 80—90 млрд куб. м природного газа. Мы собирали около 1 млн т хлопка. Но перерабатывали мы только 3% от всего выращиваемого хлопка, выпуская пряжу или бязь, которую у нас тоже забирали, ссылаясь на военные нужды. Мы не получали от этого никакой выгоды...»²³

В рамках политического дискурса 1990—2000 годов СССР в туркменском политическом сознании трансформировался в метрополию, которая насильственно удерживала, угнетала свою колонию и использовала ее экономические и природные ресурсы, не заботясь о ее интересах.

В 1990—2000 годах политические элиты инициировали пересмотр истории туркмен. На смену в значительной степени денационализированной истории Туркменской ССР пришла национально ориентированная и, в значительной степени, этноцентричная история Туркменистана.

История советского периода была подвергнута жесткой политической ревизии; особое внимание уделялось проблемам, связанным с национальным развитием и формированием туркменской нации: «Советская эпоха довершила разрушение нации самым уязвимым для нее образом — заменой национальной государственности на государственность автократическую. Правящее советское государство не было заинтересовано в историческом возвышении коренного для этой земли народа, напротив, оно всячески подавляло его. Отчуждение материальных богатств велось одновременно с уничтожением духовных ценностей»²⁴.

Историческое воображение и туркменский национализм

Таким образом, в рамках политического и интеллектуального дискурса в Туркменистане начала доминировать националистическая версия исторического воображения. Она базировалась не столько на рефлексии относительно прошлого (что, например, характерно для умеренных тактик формирования новых национальных образов прошлого в Центральной и Восточной Европе), сколько на его последовательной мифологизации; это вылилось в почти официальную институционализацию примордиальной парадигмы написания (описания) истории Туркменистана.

Комментируя исторические «изыскания» националистически ориентированных интеллектуалов, некоторые исследователи подчеркивают, что «восприятие истории было и

²² Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14—15 августа 2003 года.

²³ Нейтралитет Туркменистана: история, мировоззрение и государственная стратегия. Выступление Сапармурата Ниязова перед туркменскими студентами, 1 декабря 2000 года [http://niyazov.sitcity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2707094526].

²⁴ Ниязов С. Некоторые мысли, которые мне захотелось высказать о структуре независимого нейтрального Туркменского государства [http://niyazov.sitcity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2308080510].

остаётся основным полем битвы за идентичность... заинтересованность в тех или иных исторических темах зависит от региона и потенциально может скорее разъединить, чем объединить и сформировать единое историческое видение»²⁵.

Подобные тенденции в политическом языке современного Туркменистана наиболее интересны, если принимать во внимание специфику развития его политического режима. В отличие от некоторых других постсоветских государств, он не пошел по пути демократизации, а выбрал модель, основанную на укреплении и институционализации авторитарных тенденций; она базировалась не на старом коммунистическом идеологическом основании, а на новом националистическом.

Анализируя политический язык независимого Туркменистана, следует принимать во внимание и то, что по степени глорификации элит он лишь незначительно отличался от политического языка в поздней Туркменской ССР. Об этом свидетельствует, например, одно из высказываний С. Ниязова: «Нейтралитет, пришедший на благословенную туркменскую землю вслед за великой независимостью, ставшей для каждого туркмена больше чем святыней, явился одним из самых важных и знаменательных событий нашей новейшей истории. Нейтральный статус открыл Туркменистану великий путь, овеянный победами и славой. Туркменистан, заявивший о себе как земля незыблемого мира, стабильности, единства и добрососедства, ознаменовал 10-летие своего постоянного нейтралитета крупными политическими победами, экономическими достижениями, подъемом духовной культуры»²⁶.

Отличительной особенностью политического языка элит в Туркменистане 1990—2000 годов стало активное использование исторической тематики, что было характерно и для позднесоветского политического дискурса.

История использовалась элитами Туркменистана как мощное средство политической мобилизации туркменской нации: «У туркмен богатое прошлое, они прошли долгий исторический путь. Это правда, что они трижды завоевывали большую часть мира. Начиная с Огуз хана и Горкута Ата, миром правили Тогрул бег, Чагры бег и другие»²⁷.

Исторические мотивы, столь часто звучавшие в выступлениях С. Ниязова, были призваны способствовать не только институционализации этноцентричной версии туркменской идентичности, но и утверждению своеобразного примордиализма: «Наши предки сформировали принципы, которые позволили туркменам на протяжении долгих веков не только сохранить свои традиционные характеристики, но и с достоинством встречать вызовы времени. Туркменский народ является прямым наследником древнейших мировых цивилизаций, и за долгие столетия своей истории, полной драматизма, триумфов и трагедий, туркмены накопили мощный духовный потенциал, сохранив при этом свою национальную самобытность»²⁸.

Усилиями идеологов авторитарного режима формировался образ туркмен как самой древней нации; ее древность имела важную характеристику — стабильность, что автоматически делало нелегитимными любые попытки пересмотреть те основания, на которых базировался режим С. Ниязова.

Формирование подобной политической идентичности дало свои результаты, о чем свидетельствует сохранение авторитарной модели власти и после смерти первого президента Туркменистана (в условиях проведения незначительных реформ).

²⁵ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні. В кн.: Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. Київ, 2004. С. 219, 231.

²⁶ Ниязов С. Нейтралитет — величайшее достижение нашего народа.

²⁷ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на открытии Туркменского национального центра культурного наследия «Мирас», 12 февраля 2004 года.

²⁸ Ниязов С. Сохранение культурного наследия: исторический долг и государственная необходимость [http://niyazov.sitcity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_1810090732].

В одном из своих выступлений С. Ниязов подчеркивал, что «туркмены, прародителем которых был живший 5 тысяч лет назад Огуз хан туркмен, оставили заметный след в становлении цивилизации на обширных территориях от Индии на востоке до Средиземноморья на западе. На своей земле они построили такие царства, как Анау, Алтындепе, Маргуш, Парфянское царство, империю сельджуков-туркмен, Куняургенчское туркменское государство — всего свыше 70 государств... со времен пророка Нуха (Ноя), даровавшего своему сыну Яфесину и его детям земли Туркменистана, туркменский народ прошел огромный исторический путь»²⁹.

Аналогичные нарративы представлены не только в выступлениях президента, но и в работах туркменских ученых, что свидетельствует о доминировании в Туркменистане национальной парадигмы написания истории.

В частности, О. Гундогдыев (заведующий отделом археологии и этнологии Государственного института культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана) в одной из своих откровенно апологетических статей утверждает, что среди туркменских племен древности были... скифы, сарматы, парфяне, гунны³⁰.

Британский социолог Э. Смит полагает, что именно «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты»³¹.

В других своих работах О. Гундогдыев «записал» в число туркменских племен тохар³² и алан³³, чье индоевропейское происхождение не вызывает сомнений в академических кругах Европы и России.

Подобные концепции, распространенные в Туркменистане на правительственном уровне и санкционированные политическими элитами, свидетельствуют, что в современной туркменской историографии (и в научном, и в политическом языке в целом) доминирует примордиальная парадигма.

Подобная ситуация не является уникальной; она характерна и для других постсоветских государств. Этот факт констатирует и украинский историк Я. Грицак: «Преобладание национальной парадигмы в трудах историков можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке»³⁴.

О. Гундогдыев настаивает также и на том, что тиверцы являлись туркменским племенем, а Киевская Русь была одним из туркменских государств, которое функционировало благодаря «огузо-туркменскому войску»³⁵.

Комментируя подобные концепции, В.А. Шнирельман подчеркивает, что О. Гундогдыев своими работами «расчищал место тюркоязычным народам в древнейшей истории человечества, где ортодоксальная наука их не находила»³⁶.

²⁹ Отрывки из выступления Сапармурата Ниязова на X совместном заседании Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты Туркменистана и Общенационального движения «Галкыньш», 18 февраля 2001 года.

³⁰ См.: Гундогдыев О. Размышления туркменского историка о глубинных корнях нейтралитета.

³¹ Смит Э.Д. Национализм и историки. В кн.: Смит Э.Д. Нации и национализм. М., 2002. С. 236.

³² См.: Гундогдыев О. Туркменистан и Египет: связь народов [http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/05/blog-post_12.html].

³³ См.: Гундогдыев О. «Бесстрашный лев», султан Бейбарс [http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/09/blog-post.html].

³⁴ Грицак Я. Украинская историография. 1991—2001. Десятилетие перемен // Ab Imperio, 2003, № 2. С. 444.

³⁵ Гундогдыев О. Туркменский след в древнерусской топонимике [http://turkmenhistory.narod.ru/gund-toponomy.html].

³⁶ Шнирельман В. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии [http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/sh8-pr.html].

«Исторические» концепции такого рода играют значительную роль в существовании и развитии современного туркменского национализма.

Молдавские историки А. Куско и В. Таки, комментируя подобную функцию исторических исследований, характерную для национализмов в целом, подчеркивают, что «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний... история стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности»³⁷.

Воспринимая в качестве одной из своих важнейших задач поиск доказательств того, что туркмены являются государственной нацией, националисты охотно объявляют некоторые государства древности туркменскими. В том случае, если нетуркменское происхождение великих цивилизаций не вызывает сомнений, они «находят» следы прогрессивного влияния со стороны древнетуркменских племен.

Туркменским националистически ориентированным историкам оказалось не под силу полностью туркменизировать историю Китая; тем не менее они утверждают, что в 231 году до н.э. Китай был объединен только благодаря усилиям... тюркских (туркменских) воинов³⁸.

Современная татарская исследовательница Д. Усманова подчеркивает, что при написании национальной истории «неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм»³⁹. Вероятно, именно в силу преобладания этноцентристской версии национального воображения историки в современном Туркменистане весьма свободно оперируют такими терминами, как «тюрки» и «туркмены», употребляя их как синонимы.

Распространение подобных теорий, отрицающих индоевропейское происхождение скифов и других народов древности, а также их популяризация в современном Туркменистане свидетельствуют о значительном падении уровня исторических исследований.

Туркменская версия (пан)тюркизма

Мифологизируя и национализируя историю, туркменские националистически ориентированные интеллектуалы стремятся записать в число если не предков туркмен, то по меньшей мере народов, с которыми контактировали прототуркмены, жителей Древнего Египта⁴⁰.

Комментируя аналогичные исторические «факты», существующие в националистическом воображении некоторых деятелей постсоветских режимов, российский исследователь В.А. Шнирельман подчеркивает, что «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то они вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности»⁴¹.

Подобные «исторические» конструкции не случайны: они призваны актуализировать политическую идентичность туркмен и подчеркнуть их причастность к великим государственно-политическим традициям.

³⁷ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*, 2003, № 1. С. 485.

³⁸ См.: Гундогдыев О. Туркмено-китайские связи: взгляд сквозь тысячелетия [<http://turkmenhistory.blogspot.com/2006/05/blog-post.html>].

³⁹ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*, 2003, № 3. С. 337.

⁴⁰ См.: Гундогдыев О. Туркменистан и Египет: связь народов.

⁴¹ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье. М., 2003. С. 18.

По мнению сторонников официальной национализированной и этноцентричной версии туркменской истории, «в XI в. наши предки создали Великую Туркмено-Сельджукскую империю на землях Хорезма, Хорасана, Афганистана, Ирана, Азербайджана, части Армении и Грузии, Ирака, Сирии и Палестины... иностранные авторы оставили множество добрых слов о правителях туркменских государств Акгоюнлы и Гарагоюнлы, Туркмено-Османской империи, Делийского султаната... туркмены явились именно той силой, которая прекратила резню в мусульманской Азии между различными сектами и грудью встала на защиту населения всего Востока от нашествия крестоносцев»⁴².

С. Ниязов сознательно конструировал образ древних туркмен (к которым он причислял всех тюрков) как основателей наиболее развитых и динамичных обществ: «Главным условием силы и прогресса туркменских государств древности и Средневековья, процветания и благополучия нации являлись их широкая открытость миру, приверженность постоянному диалогу с другими странами и народами»⁴³.

Для С. Ниязова было характерно туркменоцентричное восприятие тюркизма. Именно поэтому он пытался связать наиболее значимые страницы в истории тюркского мира именно с туркменами: «Границы Туркменского государства сельджуков простирались от стен Китая до Египта, Малой Азии и Кавказа. Сельджуки происходят из туркменского племени кыныков... западные наследователи сельджукских туркмен в XIV—XIX вв. основали большое государство в Турции... все они туркмены. Мы гордимся ими. Наши туркмены зародились при Огуз хане, умножились при Горкут Ата, создав по всему миру свои государства. Чтобы защищать свои земли, свою исламскую религию, воевали за них. Так туркменская нация мигрировала по всему миру»⁴⁴.

В этом контексте заметно стремление пересмотреть роль Турции как лидера тюркского мира и поставить на ее место Туркменистан.

Однако, принимая во внимание специфику политического режима Ниязова и его политических преемников, подобные попытки в значительной степени маргинальны. Деятельность форматоров нового интеллектуального пространства в Туркменистане в значительной степени аналогична роли восточноевропейских националистов XIX века, которые в условиях почти полного отсутствия академических знаний о прошлом своего народа, сознательно и намеренно конструировали этноцентричные версии прошлого, призванные обеспечить легитимность для политических процессов настоящего.

Усилиями политических лидеров Туркменистана формировался образ нации-жертвы, которая несправедливо страдала от своих соседей: «За последние восемь веков в тысячах войн туркмены познали всю тяжесть лишений и жестокость раздоров. Восемь столетий, окружающие их далекие и близкие государства, действуя по принципу «разделяй и властвуй», разобщали туркменские племена, втягивали их в большие и малые войны»⁴⁵.

Таким образом, предпринимаются попытки актуализировать националистическое и историческое воображение, устремив его в том направлении, которое в наибольшей степени отвечало бы интересам политических элит.

Именно поэтому из исторического дискурса сравнительно быстро были вытеснены характерные для советского периода «протестные» (революционные) нарративы, призванные описать борьбу туркмен против несправедливой (по мнению советских идеологов) власти.

⁴² Гундогдыев О. Размышления туркменского историка о глубинных корнях нейтралитета.

⁴³ Нейтралитет Туркменистана: история, мировоззрение и государственная стратегия. Выступление Сапармурада Ниязова перед туркменскими студентами, 1 декабря 2000 года.

⁴⁴ Отрывки из выступления Сапармурата Ниязова на X совместном заседании Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты Туркменистана и Общенационального движения «Галкыныш», 18 февраля 2001 года.

⁴⁵ Ниязов С. Некоторые мысли, которые мне захотелось высказать о структуре независимого нейтрального Туркменского государства [http://niyazov.sitecity.ru/lttext_0409164936.shtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2308080510].

Как уже отмечалось выше, в выступлениях С. Ниязова часто присутствовали исторические сюжеты: «С обретением независимости в 1991 году, туркменский народ, один из древнейших тюркских народов, чья история исчисляется более чем 5 тысячами лет, наполненными периодами триумфов и потерь, вступил в новую эру подлинного возрождения независимой туркменской государственности и возвращения на мировую арену из многовекового небытия древнейшей и богатейшей культуры нации»⁴⁶.

В условиях независимости в Туркменистане актуализировались проблемы, связанные с государственным прошлым и политическим опытом туркменских государств.

В частности, С. Ниязов подчеркивал, что «история туркменского народа, помимо ее неоспоримой исполненности духовным опытом государствообразующей нации, показательна еще и тем, что она контрастом своих эпох зримо отражает роль и значение государства в движении человеческой цивилизации. В туркменской истории сфокусирован опыт народа, познавшего наряду с расцветом государственности и ее полный упадок, и почти полное забвение национального духа»⁴⁷.

Подобные нарративы оказались в значительной степени востребованы туркменскими элитами, пытающимися представить туркменскую нацию как политическое сообщество. С другой стороны, если в Туркменской ССР история была в значительной степени идеологически маркирована, то в период независимости исторические акценты сместились в сторону написания национальной истории и позиционирования истории Туркменистана как национальной истории туркмен.

З а к л ю ч е н и е: ***перспективы развития*** ***туркменского политического режима***

После смерти С. Ниязова политический дискурс в Туркменистане почти не изменился. Режим функционирует как авторитарный, но с некоторыми модификациями (в частности, с большей открытостью миру).

Эта тенденция проявилась во второй половине 2000-х годов, когда возрос поток абитуриентов из Туркменистана в российские университеты. Значительное число туркменских студентов выбирает экономические, технические, инженерные и медицинские специальности; постсоветский Восток остро нуждается в квалифицированных кадрах, призванных создавать бывшим республикам СССР имидж развитых стран.

Ограниченное знакомство с русской культурой (как региональной европейской версией) способствует некоторой европеизации центральноазиатских студентов, обучающихся в России; по возвращении в свои республики они могут считаться «европейцами».

Центральноазиатские государства охотно перенимают российский и европейский экономический и технический опыт; при этом политическая сфера ревностно оберегается от распространения западных тенденций и традиций.

Политические трансформации в ЦА в постсоветский период протекали болезненно. На смену идеологическому авторитаризму пришли новые модели политического устройства и управления, основанные на национальном авторитаризме.

В ЦА после распада СССР сложились государства, которые унаследовали от него часть своих политических институтов.

⁴⁶ Ниязов С. Стратегическое партнерство во имя идеалов мира и гуманизма [http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2508120239].

⁴⁷ Ниязов С. Некоторые мысли, которые мне захотелось высказать о структуре независимого нейтрального Туркменского государства.

Новые политические институты возникли в результате необходимости как легитимации, так и воспроизводства авторитарных политических режимов. В этой ситуации изменилась роль центральноазиатских национализмов.

Националистически ориентированные интеллектуалы, в отличие от своих коллег в Восточной Европе, были фактически отстранены от процесса формирования нового политического режима. Институционализация политической независимости вылилась в институционализацию политического авторитаризма.

В Туркменистане центральной и интегрирующей фигурой является политический лидер. Президенты среднеазиатских республик не обладают яркой политической харизмой; в их распоряжении находится аппарат государственного управления и принуждения, унаследованный от советского прошлого и приспособленный к реалиям независимости.

В эту модель вполне вписывается фигура президента как своеобразного отца нации, форматора политического пространства и главного теоретика национализма.

Прогнозировать политические перемены, направленные на демократизацию ЦА в обозримой перспективе, не представляется возможным. Поэтому политические элиты и в дальнейшем будут играть значительную роль в формировании и функционировании центральноазиатских национализмов, а их лидеры (президенты) будут являться своеобразными посредниками между политиками и массами, говоря с ними на доступном и понятном языке национализма, который, в зависимости от ситуации, может быть как политическим, так и этническим.
